

УДК 811.161.137
DOI 10.52452/19931778_2022_2_168

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «ИСТИНА» В МОДЕЛЯХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ

© 2022 г.

Е.Е. Смирнова, Л.И. Ручина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

ees@int.unn.ru

Поступила в редакцию 14.02.2022

Рассматриваются особенности языкового воплощения концепта ИСТИНА в контекстах концептуально-метафорического употребления в современной русской речи. Материалом исследования являются языковые данные Национального корпуса русского языка. Показано, что лексема *истина* как основной репрезентант одноименного концепта последовательно представлена в моделях овеществления как конкретно-чувственный физический, биологический или социальный объект, как вещество, какместилище/контейнер и пр., а в моделях одушевления – как одушевленная сущность, активное и целесообразно действующее человеческое или сверхъестественное существо и пр. Делается вывод о важности научного инструментария теории концептуальной метафоры для анализа специфики отражения в языке представлений этноса о мире, имеющих во многом мифологическую природу.

Ключевые слова: теория метафоры Лакоффа–Джонсона, онтологическая концептуальная метафора, концепт ИСТИНА, лексема *истина*, овеществление, одушевление, лингвокультурология.

В статье освещаются семантические преобразования лексемы *истина* как основного репрезентанта одноименного концепта ИСТИНА в контекстах концептуально-метафорического употребления в современной русской речи. Работа продолжает предпринятое нами комплексное описание концептов ИСТИНА и ПРАВДА [1].

Методологической основой исследования являются идеи современной отечественной когнитивно ориентированной лингвокультурологии [2–5] и принципы языковой концептуализации мира (каковая в общем и целом осуществляется прежде всего по метафорическим моделям [6–9]). В числе главного метода исследования выступает методика анализа концептов, разработанная учеными Нижегородской школы концептуального анализа [10; 11]. Материалом исследования являются контексты употребления слова *истина*, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка.

Непосредственный научный инструментарий исследования связан с идеями и принципами теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [12–14]. Лингвокогнитивные механизмы концептуальной метафоры выступают как базовые инструменты познания мира и осмысления информации, поступающей к человеку из опыта взаимодействия с внешним миром. Концептуальная метафора – это базовое средство формирования понятийной системы человека посредством понимания одного, более сложного и недостаточно освоенного концепта

в терминах другого, более фундаментального концепта, уже известного носителю языка из опыта взаимодействия с миром. В целях нашего исследования важна такая разновидность метафор, выделяемых создателями этой теории, как **онтологические метафоры**. Они выступают как результаты действия концептуальных схем овеществления и/или одушевления, т.е. представления абстрактной сущности в виде конкретно-чувственного объекта или живого существа.

В этом ключе нам также важны идеи Л.О. Чернейко, которая, развивая указанный подход применительно к анализу русских отвлеченных имен, предлагает анализировать языковые механизмы концептуально-метафорического осмысления абстрактного имени через анализ сочетаемости отвлеченных существительных с предикатами или атрибутами конкретной семантики, в норме присущими чувственно воспринимаемым естественным объектам, субстанциям и артефактам культуры или одушевленным существам [15, с. 284–284]. При этом необходимо так называемое буквальное прочтение узальной сочетаемости абстрактного имени с конкретными предикатами или атрибутами, что, собственно, и составляет суть языкового механизма актуализации концептуальной метафоры.

В анализируемом материале из Национального корпуса русского языка мы обнаружили значительное количество контекстов, демонстрирующих вхождение абстрактной лексемы *истина* в самые разнообразные контексты ове-

ществленного и/или одушевленного концептуально-метафорического представления. Нам больше всего интересуют такие типовые контексты, как контексты субъектно-предикатной или предикатно-объектной сочетаемости ('Истина осуществляет к.-л. действие', 'X производит к.-л. действие над истиной'), в которых, согласно Л.О. Чернейко, задействован механизм гештальта [15], а также генитивной сочетаемости с существительным ('X истины'), в которых, согласно Л.О. Чернейко, задействован механизм генитивной метафоры [15].

I. Лексема истина в моделях концептуально-метафорического овеществления. В этих контекстах абстрактное понятие истины переосмысливается как конкретно-чувственный физический, биологический или социальный объект, как вещество, как вместилище/контейнер и пр.

Так, истина может восприниматься как некий физический объект, имеющий пространственную локализацию, вокруг которого можно, например, плясать: *По этому поводу Г. Честертон писал, что нелепости, с которыми мы сталкиваемся в произведениях Аристофана, Рабле, Гейне... – нелепости символические, они представляют собой нечто вроде пляски вокруг истины* [М.В. Мусийчук. О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // «Вопросы психологии», 2003].

Истина мыслится как некая прочная, твердая вещь, на которую можно опереться (как опора): *Никто не может опереться на истину, потому что она сама есть ценность, находящаяся в отношении конкуренции с другими ценностями* [А.Н. Ильин. От информационной дезориентации к поверхностному потреблению информации // «Информационное общество», 2014].

Истина мыслится и как трехмерный пространственный объект, имеющий разные размерности, например, плоскость: *Эти моменты у Кубрика часто декларативны, нередко просятся в афоризм, перерастая плоскость житейской истины: «Только умеющий прятать дыханье // знает, когда ему жить»* [Борис Кутенков. «Вынимать из души печаль...». Алексей Кубрик. Внимательный лес // «Волга», 2015].

Истина – это физическая или биологическая сущность, которую можно испортить: *Недаром он объявил её «порчей Истины» «позднейшим извращением»* [Рафаил Нудельман. Тайны вечных книг: ученые исследуют Коран // «Знание – сила», 2003].

Контексты генитивной метафоры обнаруживают представление об истине как о полезном растительном объекте – зерне: *Если человек Пиромани, я считаю это зерном драгоценной*

истины... [Дарья Рошня. Николин день: отважиться и написать образ святителя // nikolinden-otvazhitsya-i-napisat-obraz-svyatitelya/, 2017].

Истина может быть переосмыслена и как объект социального характера, например, как товар или полезный ресурс, из которого можно извлекать прибыль: *Никто не имеет права наживаться на истине* [А.М. Титов. Общежитие писателей // «Волга», 2015].

Истина может иметь гештальт некоего протяженного объекта, который может переплетаться с другими объектами: *Рассказы – «сказки» простых пчеляков – были весьма различны: истина переплеталась с выдумкой, реальные явления – с суевериями* [Радик Вахитов. У истоков пчеловодной науки // «Бельские просторы», 2013].

Истина переосмысливается как чувственно воспринимаемый зрением объект, светящийся отраженным светом и могущий, соответственно, тускнеть: *Ну и что, упорствовала Танька, истина от этого не тускнеет — здесь ловить нечего* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]

Истина, понимаемая подобным образом, в качестве визуально воспринимаемого объекта, может, например, просвечивать и мерцать: *Способность нести обаятельную пургу, через которую, тем не менее, просвечивает святая и бездонная истина, мерцает в нас от Гоголя до Курехина* [С.И. Трунев. Тусовка как революция, революция как тусовка // «Волга», 2013].

В ряде контекстов истина переосмысливается как вещество (субстанция). Например, истина может быть веществом, которое делится на части, порции, доли: *Можно с ними не вполне соглашаться, но доля истины в их трогательной амбициозности, я считаю, есть* [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)].

Вещество истины может быть разной консистенции. Например, истина в контексте генитивной метафоры выступает как жидкое вещество, наподобие воды, по отношению к которому можно, например, испытывать жажду: *Балерина на пенсии привлекла его когда-то своей полной непохожестью ни на что, ему известное, Таня – полнейшим сходством в восприятии мира, ходами мысли и поворотами чувства, а главное, протестантской жаждой истины, что в практике жизни оборачивалось протестом против любой формы лжи, казённой или общежитийской...* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

Гештальт жидкого вещества также реализован в контексте предикатно-объектной сочетаемости с глаголом обливать: *Здесь тебя не будут обливать мрачными истинами, которые и так давным-давно известны* [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)].

Вещество может быть светоносным, летучим, тогда истина часто мыслится как некий источник света: *Твоё усугублённое неверие, – (то, что называлось «скептицизмом» на Языке Кажущейся Ясности), – было неизбежным на пути от... сатанинского дурмана, – (он хотел сказать «от марксизма», но не знал, чем по-русски заменить), – к свету истины* [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990].

Лучистое вещество подобного рода может сиять: *Несколько сияющих истин должны были изменить мир к лучшему, а что произошло в действительности?..* [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)].

Истину, подобно свету, можно излучать: *Сверкают глаза ораторов, наливаются кровью и величием, выпрыгивают из орбит, излучают абсолютную истину* [Светлана Князева. XX век берет разбег // «Знание–сила», 2014].

Истина переосмысливается не только как свет, но и как огонь: *Даже не в официальных церковных структурах или синодальной администрации: они обрели его в Оптиной Пустыни, там, где горел огонёк истины, который не был противен, не был в оппозиции официальной Церкви – совсем нет, но самая жизнь его сохранилась там, благодаря торжеству исихазма в XIV веке, который пустил глубокие корни в церковном сознании и сознании народа* [Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992)].

Вещество истины может быть пахучим, едким, по типу лекарства: *Это тот самый писатель-лекарь, который пользы ради кормит своего читателя «сластями» и которого – не в последнюю очередь – имеет в виду автор «Героя нашего времени», предупреждая, что намерен изобразить не добродетели, а пороки и что «довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины»* [Л.В. Оборин. Профессиональный авантюрист. Федор Эмин, создатель русской массовой литературы (2017.06.15)].

Гештальт пахучего вещества реализован и в следующем примере субъектно-предикатной сочетаемости для слова истина: *Да и окончательная конспирологическая истина, видимо, воняет примерно так же...* [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)].

Другая модель генитивной метафоры представляет истину как полезное вещество или полезный продукт – хлеб: *– Назовём это истинной, – сказал он. – Объективной истиной. Грубый хлеб истины. А то ведь вы вскормлены пирожками обожалок* [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

В качестве отдельного подтипа в классификационной группе онтологических метафор в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона рассматриваются так называемые «метафоры контейнера (вместилища)» [12]. В нашем материале этот тип концептуальных метафор присутствует в двух когнитивных схемах.

(1) Истина является объектом, помещенным в трехмерный контейнер (вместилище), в роли которого мыслятся, например, люди (=мы): *Способность нести обаятельную пургу, через которую, тем не менее, просвечивает святая и бездонная истина, мерцает в нас от Гоголя до Курехина* [С.И. Трунев. Гусовка как революция, революция как гусовка // «Волга», 2013].

(2) Чаще всего истина сама выступает контейнером, вместилищем, куда проникают, погружаются, углубляются или помещаются объекты:

Красота спасет мир не в том смысле, что потрясет его своей формой, а в том, что человек, проникая в красоту, проникает в истину, в добро и тем спасется сам и спасет мир [Е.Т. Яковлев. Эстетика (1999)];

Церковь состоит из людей, которые углубляются в истину, которые ищут все более совершенную форму выражения ее, хотя по пути могут сбиться, ошибиться [митрополит Антоний (Блум). «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...» (1998–1999)];

Вторая Прусту, философ убеждает нас, что отсутствие «остаточного следа сумерек» в истине говорит, что ее получили из вторых рук, что ее не пришлось создавать заново [А.Л. Доброхотов. Традиция бессмертия: Мардаршвили как философ культуры (2009)];

Лишь в истине – и цель и красота [Михаил Кралин. «Двух голосов переключка» (Иван Бунин и Анна Ахматова) // «Наш современник», 2002.06.15];

*Это тот же самый покой понимания, о котором говорит Данте в цитируемых Гегелем словах, что ум в истине покоится как зверь в берлоге, *posasi in esso come fera in lustra** [В.В. Бибихин. Узнай себя (курс лекций, прочитанный на философском факультете МГУ в 1989–1990 гг.) (1998)].

Сходной по типу метафоризации является модель концептуальной метафоры – истина как некая трехмерная физическая пространственная среда, в которой существует, пребывает, находится, имеет место, перемещается объект:

Потому что наше благо будет в истине, какая бы она ни была [И. М. Чубаров. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда (2014)];

А затем и рождение нового человека в истине [Анна Жавнерович. Спасись и сохранись // lenta.ru, 2017.10.17];

Ходящий во свете ходит в истине Слова Божьего, и наоборот, ходящий во тьме – живет во лжи и грехе [Дик Вилли магистр богословия, проповедник. ВЕРА БЕЗ ДОБРЫХ ДЕЛ МЕРТВА // Труд-7, 2005.12.21];

Богопознание есть внутренняя основа миропознания для Киреевского – и потому познание действительности должно быть того же типа, какой присущ вере: познание истины должно быть пребыванием в истине, т. е. должно быть делом не одного лишь ума, но всей жизни [В.В. Зеньковский. История русской философии (1948)].

II. Лексема истина в моделях концептуально-метафорического одушевления. В этих контекстах абстрактное понятие истины переосмысливается как одушевленная сущность, активное и целесообразно действующее человеческое или сверхъестественное существо и пр.

Модель одушевленного представления истины в качестве некоего живого существа давно существует в мировой культуре, что отражается в разного рода прецедентных феноменах – фразеологизмах, пословицах, афоризмах и под., по типу *Истина рождается в ...: Ну что Вы, ведь в споре рождается истина:-) И вообще, Мама разные нужны, мамы разные важны* (с транслита) [Наши дети: Подростки (2004)].

Истине могут быть приписаны предикаты, которые в норме приписываются только живому, активно и целесообразно действующему существу, например: *Эти истины определяют, как человек будет жить – в обществе бедном или богатом, ограниченном либо «опасностью мракобесия», либо «опасностью неверия», в обществе более или менее образованных людей, более или менее свободных* [Георгий Любарский. Мракобесие, или Наших бьют // «Эксперт», 2013].

Это может быть сверхъестественное существо, как Бог, например: *Герой, например, признаётся, что долго гордился всеобъемлющим отцовским гением, пока Истина, как Бог, не повелела ему: оставь отца и мать и иди за мной* [Ирина Новикова. Преодоление иллюзий (о романе Александра Мелихова «Любовь к отеческим гробам») // «Октябрь», 2003].

Это может быть существо человеческого типа: *И ещё какие-то смутные, но большие истины о любви-радости и любви-преступлении стали приходить и тревожить меня* [Ю.О. Домбровский. Леди Макбет (1970)].

Так понимаемая истина может иметь человеческие атрибуты – например, лицо: *Но это я лил воду на вашу мельницу, а теперь я хочу обратиться и к вам. Истина не бывает однойлицой. У неё два или три лица* [Ю.О. Домбровский.

Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943–1958)].

Также ей могут быть приписаны непредикативные свойства, в норме приписываемые только человеку, – например, лихость: *В том-то и лихость таких истин, что они всегда были с нами, и изречь их не великая мудрость, а вот умереть за них...* [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

Истина может метафорически представляться в недифференцированном виде, в виде просто живого существа – любого, когда, например, употребляется в контексте предиката *спать* (это действие в норме присуще и людям, и животным): *В старинных предрассудках, ошибках, неточностях, словно в коконах, столетиями спала истина* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

Иногда контекст позволяет более точно судить о типе одушевленного существа, в образ которого переосмысливается истина, – например, что-то похожее на насекомое, в контексте *запутаться в паутине*: *И липкая паутина фальсификаций, в которых запуталась истина* [Елена Съянова. Царский ад // «Знание–сила», 2013].

В целом проведенный анализ еще раз подтвердил значимость научного инструментария теории концептуальной метафоры для анализа специфики отражения в языке представлений этноса о мире, имеющих во многом мифологическую природу. Действительно, в мировой культуре издавна укоренены символическо-мифологические модели овеществленного или одушевленного представления о правде или об истине, о чем говорят данные языческой мифологии, фольклора, изобразительного искусства [1]. Примечательно и то, что и сегодня, применительно к данным современной русской речи, мы наблюдаем существенное качественное и количественное разнообразие концептуально-метафорических моделей овеществления и одушевления абстрактного концепта ИСТИНА, что может косвенным образом свидетельствовать о значительной степени «культурной разработанности» (А. Вежицкая) данного концепта в национальном языковом сознании, о его концептуальной освоенности, о вовлеченности, вписанности в мир национальных идеалов и ценностей, как это свойственно и другим ключевым абстрактным концептам русской культуры – разум, душа, совесть, добро, воля и подобное.

Список литературы

1. Смирнова Е.Е. Онтологические концептуальные метафоры в языковой реализации концепта «ПРАВДА» // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. С. 318–322.

2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Монография. Волгоград: Перемена, 2002. 392 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. 226 с.
4. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese (1st publ. 1997; Repr. ed.). New York, Oxford, OUP, 2018. 328 p.
5. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 18–39.
7. Langacker R.W. Entrenchment in cognitive grammar // In: H.-J. Schmid (Ed.). Language and the human lifespan series. Entrenchment and the psychology of language learning: How we reorganize and adapt linguistic knowledge. American Psychological Association; De Gruyter Mouton, 2017. P. 39–56.
8. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.
9. Радбиль Т.Б., Рацбургская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79.
10. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №. 6. Ч. 2. С. 569–573.
11. Радбиль Т.Б., Рацбургская Л.В., Щеникова Е.В., Бакич Н.А., Торопкина В.А., Жданова Е.А. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Рацбургской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. 232 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М.: Едиториал, 2004. 356 с.
13. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things (1st publ. 1987; Repr. ed.). Chicago, IL, University of Chicago Press, 2015. 632 p.
14. Sperber D., Wilson D. Beyond speaker's meaning // Croatian Journal of Philosophy. 2015. 15 (44). P. 117–149.
15. Чернейко Л.О. Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.

LANGUAGE EXPLICATION OF THE CONCEPT «ISTINA» («TRUTH») IN THE CONCEPTUAL METAPHORIZATION MODELS

E.E. Smirnova, L.I. Ruchina

The work presents some features of language representation of the concept «istina» («truth») in the contexts of conceptual-metaphoric usages in the modern Russian speech. The material is the language data of the Russian National Corpus. It is shown that the lexeme *istina* (*truth*) as the main representative of the concept of the same name is successively presented in reification models as concretely receipted, physical, biologic or social, thing, as substance, as container etc., and in animation models as alive entity, active and goal-setting human or supernatural creature etc. The author comes at a conclusion about importance of the scientific tools of the Lakoff–Johnson theory of metaphor for the analysis of language reflection of ethnic world-view, that is a sort of mythology.

Keywords: the Lakoff–Johnson theory of metaphor, ontological conceptual metaphor, the concept «istina» («truth»), the lexeme *istina* (*truth*), reification, animation, cultural linguistics.

References

1. Smirnova E.E. Ontological conceptual metaphors in the linguistic realization of the concept «TRUTH» // Cognitive studies of language. 2019. Issue XXXVII: Integrative processes in cognitive Linguistics. P. 318–322.
2. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse: Monograph. Volgograd: Peremena, 2002. 392 p.
3. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. Moscow: ACT: East–West, 2010. 226 p.
4. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese (1st publ. 1997; Repr. ed.). New York, Oxford, OUP, 2018. 328 p.
5. Radbil T.B. «Precedent names» as elements of the «language of culture» // Onomastics of the Volga region: Materials of the XV International Scientific Conference / Edited by L.A. Klimkova, V.I. Suprun; Arzamas branch of UNN. Arzamas–Sarov: Intercontact, 2016. P. 49–54.
6. Boldyrev N.N. Conceptual space of cognitive linguistics // Questions of cognitive linguistics. 2004. № 1. P. 18–39.
7. Langacker R.W. Entrenchment in cognitive grammar // In: H.-J. Schmid (Ed.). Language and the human lifespan series. Entrenchment and the psychology of language learning: How we reorganize and adapt linguistic knowledge. American Psychological Association; De Gruyter Mouton, 2017. P. 39–56.
8. Radbil T.B. Cultural appropriation of borrowings in the light of the theory of linguistic conceptualization of the world // Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 2017. Vol. 13. P. 107–115.
9. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Paloshi I.V. Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language of the coronavirus era: linguocognitive aspect // Scientific Dialog. 2021. № 1. P. 63–79.
10. Radbil T.B. «The language of values» in modern Russian speech and the ways of its calculus // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2011. № 6. Part 2. P. 569–573.

11. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Shchenikova E.V., Bakich N.A., Toropkina V.A., Zhdanova E.A. Sociocultural and pragmatic aspects of modern word-formation processes: A collective monograph / Edited by L.V. Ratsiburskaya. M.: FLINT; Nauka, 2018. 232 p.
12. Lakoff J., Johnson M. Metaphors by which we live: Translated from English M.: Editorial, 2004. 356 p.
13. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things (1st publ. 1987; Repr. ed.). Chicago, IL, University of Chicago Press, 2015. 632 p.
14. Sperber D., Wilson D. Beyond speaker's meaning // Croatian Journal of Philosophy. 2015. **15** (44). P. 117–149.
15. Cherneyko L.O. Logical and philosophical analysis of an abstract name. M.: Publishing House of Moscow State University, 1997. 320 p.